ГАЗЕТА ДЛЯ ЛЮБИТЕЛЕЙ ИСКУССТВА, ХУДОЖНИКОВ И КОЛЛЕКЦИОНЕРОВ

ГАЛЕРЕЯ

МАЙ 2012 № 3

ИЗДАНИЕ МУНИЦИПАЛЬНОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ГАЛЕРЕИ ГОРОДА КОСТРОМЫ

ЮРИЙ ЛЕВИЧЕВ. ВОСПОМИНАНИЯ

Юрий Иванович Левичев (1929- 2004), костромской художник, живописец. Окончил Костромское художественное училище в 1958 году у И.А.Козлова и А.В.Саврасова. Работал в производственных мастерских Художественного фонда при Костромском отделении Союза художников. Участвовал в областных выставках. Его работы есть в собрании Костромского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника.

Его рассказы об учебе в училище при Н.П.Шлеине были интересны художнику В.С.Каткову, соседу по творческой мастерской. Он и предложил Юрию Ивановичу записать их. Обещанного пришлось ждать долго, но все же ученическую тетрадь с записками о соучениках В.Муравьеве, А.Козлове и Н.Шувалове, ставших известными художниками, он передал Виктору Сергеевичу. Искусствовед С.С.Каткова подготовила их к публикации.

Ю.Левичев. Автопортрет. Х.,м.

Оканчивая первый курс Красносельского ювелирного техникума, я случайно увидел в газете фотографию “Студент пятого курса художественного училища за работой над дипломом”. Я впервые узнал, что в Костроме есть такое заведение, и спросил преподавателя рисования, что это за училище. Он мне сказал, что создал его известный в то время художник Шлеин, который поныне возглавляет его. По участию в выставках художественных училищ оно занимало призовые места, а по рисунку одно из первых.

После окончания первого курса я быстро забрал документы и двинул в Кострому. Город поразил меня своим своеобразием. А Красные и Колхозные ряды, пожарная каланча привели меня в восторг. Булыжные мостовые, всюду снуют лошади, пассажирские экипажи - все показалось мне таким настолько милым и родным, что я решил сразу остаться в этом городе.

Училище я разыскал не сразу, хотя проходил мимо него дважды. Во дворе встретился мне сам Шлеин. Старенький и чуть-чуть поддавший. Он спросил, что мне нужно. Я ответил: “Художественное училище”. Он попросил показать принесенные работы. Бегло просмотрев показанное, сказал: “Сдавай экзамен”. На время я поселился в общежитии и там впервые встретил Володю Муравьева и ребят, которых я не могу вспомнить. Он приветливо, с улыбкой поздоровался и сказал: “Нашего полку прибыло”. Я ответил, что не знаю еще. Это была первая встреча, но не знакомство. Знакомство было потом, когда начались занятия.

Костромское художественное училище. Фото 1952 г.

В общежитие на жительство я устроился в конце сентября. Первое, что меня поразило, там висели на стенах рисунки обнаженной фигуры чуть меньше натуральной величины. Я понял, что тут была студия, которую организовал Муравьев. Будучи блестящим рисовальщиком, он и руководил ею. В совершенстве изучив пластическую анатомию, он умело и точно вводил ее в свои рисунки. Я бы, наверное, сказал, что в его работах присутствовала школа академика Егорова. Его рисунки были красивы, монументальны, все в них было поставлено на место, все точно пригнано, спаяно.

Меня поражало то, как он начинал рисунок. Ставя на листе две черточки - вверху и внизу, он долго всматривался в натуру и затем одним махом вписывал в это пространство фигуру, затем лепил ее, как скульптор. Его приемы в рисовании были наглядны и очень поучительны для нас. За зиму до марта месяца он сделал около десяти рисунков почти в полный рост.

Интересен один эпизод. Позировал для рисунка Володя Сироткин, который учился вместе с Муравьевым. Сложен он был в то время, как атлет. Мышцы рук, брюшной пресс выглядели великолепно, Что скажешь, молодость. Муравьев оглядел его и сказал: “Бог слепил тебя хорошо, дал тебе все, но прилепил тебе отвратительную голову”. Так и нарисовал он этот рисунок без головы. Рисунок был один из лучших.

После он рассказывал, что когда приехал поступать в Московский художественный институт, привез все, что делал в студии. Посмотрев работы, ему сразу отказали, сказав, что ему учиться тут нечему и предложили вести рисунок на кафедре рисунка. “Но я, - как говорил Володя,- глядя на их карандашную рутину, махнул рукой и, собрав рулоны с рисунками, вернулся домой”. Настоящее знакомство началось случайно. Как-то я остался вечером в училище рисовать гипсовую ногу из скульптурной группы Лаокоон. Вдруг открывается дверь и входит Муравьев. “Не помешал?”- спросил он. Смутившись, я сказал, что нет. Он посмотрел на рисунок, потом на меня, улыбнулся и сказал:”Такой большой и здоровый. Брось ты этот карандаш, возьми уголь или соус. Это ближе подходит для рисования с гипса. Пошли я тебе кое-что покажу”. Он привел меня домой, открыл ящичек, где хранились его работы. Вынул несколько рисунков, сделанных соусом. Это были голова Зевса, старика из скульптурной группы Лаокоон и еще какие-то, их я меньше запомнил. Рисунки были великолепны. Они были материальны, даже почти осязаемы, с безупречным сходством. Сделаны они были на третьем курсе. Талант этого человека был неоспорим.

В.Муравьев. Фото нач. 1950-х гг.

Стены маленькой комнатки, в которой он жил вместе с матерью были завешаны работами. Там не было ни одного обнажа (обнаженной натуры), ни одной речки, ни одной полянки. Там была кухня его работ, мне в то время непонятная.

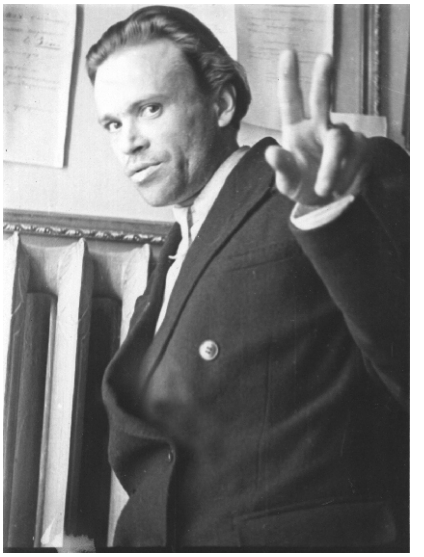
После этого я чаще стал бывать у него. Мать его, добрая Мария Федоровна, была радушна, всегда была доброй и благожелательной, угощала вкусными пирогами и чаем. Володя всегда был словоохотлив, и я все время думал, что это идеальная семья. В ней часто бывали сокурсники Володя Сироткин, Козлов, Шувалов. Так началось наше знакомство, которое перешло в дружбу, длившуюся в течение 15 лет. Она до сих пор осталась для меня светлым пятном в жизни.

В марте 1949 года я уехал в армию. Срок большой - 4 года. За это время почти все изменилось. Изменилось училище, изменились его ученики, изменилась атмосфера, в которой жили студенты, изменился возраст учеников. Ушло в прошлое что-то хорошее, доброе, о чем с большим теплом вспоминаешь сегодня.

С Козловым Алексеем Никифоровичем знаком я был меньше, хотя прожил с ним вместе, как говорят, бок о бок целых полгода. Он был своеобразной фигурой. Часто был замкнут, мало принимал участия в жизни общежития. Видимо, чувствовалась разница в возрасте и фронт, а может, просто такой характер, не знаю. Нас он никогда не называл по имени. Или “мальчик Грошев”, или “братец” - это был я. Он был трудолюбив и работал всегда в одиночестве.

Ребята, которые жили с ним в общежитии, рассказывали, что после летних каникул он возвращался так: сначала в двери показывались холсты, которые с трудом проходили в проем, затем связанные рулоны холстов, мешок и он с широкой улыбкой и со словами: “А вот и я!” Показывая свои работы, он рассказывал о том, как писал их, как казались ему за пнями кикиморы, как вздыхал леший, как смеялся и ухал филин. Странно. Страшно. Я потом видел эти работы. Это были длинные холсты, довольно узкие. Писал он на них удивительные лесные пейзажи. Что-то в них было былинное, родное до слез. Написаны они в разное время суток. Особенно поразил меня один пейзаж - “Сумерки”, где было точно схвачено состояние, покой в природе, тишина, все засыпает, только серпик луны светится над лесом.

Художник или еще ученик, он, безусловно, талантливый. Бог наградил его большими колористическими данными, но рисовал он плохо. И он это чувствовал и, наверное, переживал.



А.Козлов. Фото нач. 1950-х гг.

Алексей был импульсивный, человек взрывного характера. Он мог в рассказах завести себя и своих слушателей. Слушать его было приятно и интересно. Его живая мимика постоянно менялась, жесты рук дополняли ее, глаза сверкали. Он становился настоящим актером. Его рассказы блистали юмором, были образны и правдивы. Помню, зашел разговор о деревне, о ее жизни, быте, культуре. И здесь Козлов был в ударе. Его красочный рассказ о посиделках, о вечерках, куда собиралась молодежь, девки и парни. Девки были румяны, кровь с молоком, в цветастых полушалках, в нарядных платьях. Выколачивали каблуками под гармошку так, что стены и стекла в рамах ходили ходуном и звенели. Он так талантливо передавал их ужимки, жеманство, смешки, что я перестал видеть рассказчика, а видел что-то от картин Малявина. Этот яркий, красочный рассказ не был его вымыслом. Это был досуг молодежи, с которой он жил, в которой он сам варился.

Алеша много знал, любил литературу, часто читал и декламировал что-нибудь интересное. Особенно он оживал, когда приходил Муравьев. С ним всегда он вел длинные и интересные беседы: о художниках, об актерах, о театре. Их объединяло искусство, но взгляды были разные. Если Володя в то время жил образами Врубеля, героями Корина, музыкой Бетховена, Баха, Моцарта, то Алексей жил более приземлено. Его трогали музыкальные образы Римского-Корсакова, Бородина.

Жил Алеша трудно. Я даже не знаю, чем он питался. В общежитии я никогда не видел его жующим. Что больше всего мне в нем нравилось, это то, что он никогда не сквернословил, никогда не говорил мерзостей о женщинах, а обходился литературным словарным фондом, который у него был довольно богат. Я не знаю, как он окончил училище, но знаю, как драматически закончилась его жизнь и работа в Костроме.

Т.Шувалова (Котрусова) и Н.Шувалов с сыном. Фото 1960-х гг.

Муравьев окончил училище на год позднее Козлова. Оканчивал он его, конфликтуя с администрацией, которая дважды резала его дипломные проекты, в которых находила какую-то крамолу. Словом, все закончилось тем, что посадил он в палисаднике Танечку Шувалову (тогда еще Котрусову) и написал ее с натуры. Тем и закончил. Жизнь его в Костроме, как и жизнь Козлова, закончилась также драматично. Ну, об этом, наверное, знает теперь часть костромской интеллигенции, поэтому описывать ее не буду.

***

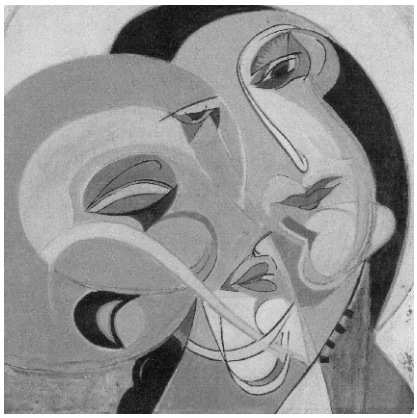
Я хорошо запомнил еще одного человека, однокурсника Козлова. Жил он с нами. Звали его Павлик. Фронтовик. Служил на корабле в должности сигнальщика. Очень скромный, тихий и малоразговорчивый парень, вызывал у меня симпатию. Был он одаренным учеником. Его рисунок был отмечен лучшим на выставке училищ. Писал он тоже неплохо. Я думал быть ему в институте, но ошибся. Как-то остались мы в общежитии вдвоем, разговорились о том о сем, и он поведал мне то, во что я никак не поверил. Он говорил: “Вот дал мне Бог способности, развил талант, который мне не нужен. Художником я не стану”. Я был удивлен, обескуражен его словами, потому что видел проект диплома в угле. Замечательный по композиции, решен свободно, широко, красиво. Как он заканчивал в цвете, не знаю. В то время я уже был в армии. Но думаю, что написал отлично. Прошло с тех пор пять лет. Я снова вернулся в училище, когда мой бывший первый курс писал диплом.

После учебы летом мы выезжали всем училищем на пленэр в деревню недалеко от Сухоногова. И здесь на дороге в лесу неожиданно встретил Павлика. Оба мы были рады встрече. Разговорились. Я спросил его, как он тут оказался. Он ответил, что здесь, в поселке, он работает учителем, здесь его дом, жена и дети, здесь его пристань. Я ему сказал, что пророчил ему Академию. “Ты забыл наш разговор”,- ответил он. Мы постояли, поговорили с ним о былом. Он заспешил на пароход в Кострому, пригласив меня в гости. Так мы расстались. Не знаю что, то ли стеснительность, то ли занятость помешали прийти к нему. Только через год я решительно хотел увидать его. Пришел в поселок на обед в столовую, я спросил встретившуюся мне женщину, где живет учитель Павлик Матвеев. “Вы имеете в виду Павла Николаевича, его нет. Он умер еще в прошлом году”. У меня от неожиданного ответа даже навернулись слезы. От души мне было жаль этого тихого, симпатичного, талантливого человека.

***

В 1951 году в армии я получил от него (В.Муравьева) интересное письмо, в котором он писал о своей новой, я понял так, дипломной работе. Назвал он ее «Восхождение альпинистов», или «Горный марш». В письме был рисунок этой работы. Она была, видимо, посвящена силе и мужеству человека, который великим трудом достигает своей цели. Вся композиция состояла из обнаженных тел в сложных ракурсах, поднимающих друг друга на вершину. Там не было ни горных глыб, ни уступов, за которые цеплялись бы скалолазы, там были мощные живые атлеты, символы красоты, силы и мужества. Не знаю, чем закончилась эта история с эскизами, но, судя по тому, что диплом был другим, работу эту комиссия зарубила. Отработав два года в с.Палкино, Володя вернулся в Кострому весной 1954 года. Устроился работать в Худфонд. Работал в портретном цехе, который выпускал портреты работников Политбюро. Работу выполнял грамотно, советы проходил без замечаний. Все шло вроде хорошо. Однако самоотчет, который был назначен на осень, нарушил все отношения с коллективом.

Самоотчет делали трое: Муравьев, Козлов и Шувалов. Володя выставил свои академические рисунки. Диплом и кухню, в которой он разбирался сам. Ни одного этюда, ни одного пейзажа, кроме ветки рябины на фоне осеннего пейзажа, там не было. Если бы не было этой кухни, наверное, все бы обошлось хорошо. Но его поиски нового пути в искусстве, к чему он стремился, видимо, все время, заставили комиссию подняться на дыбы. Началось моралка с ее духовным унижением человека, тяжелые оскорбления, ненависть за то, что он опорочил соцреализм, извратил искусство, плюнул в душу коллективу. Битва продолжалась три дня. Казалось, вся интеллигенция в городе была поднята на ноги. Комиссию посещали работники горкома комсомола, работники культуры и работники горкома. Самоотчет проходил открыто. Я присутствовал на последнем заседании, которое закончилось рукоприкладством. Бедный Муравьев, я не знаю, что пришлось ему пережить за эти три дня. Какими глазами глядел он на людей, которые работали рядом, что он думал о них. Знал ли он, что именно на него прольется такой поток грязи? Наверное, знал, иначе бы отделался только академическими работами, против которых сказать просто нечего.



В.Муравьев. Угодники. Кон. 1950-х гг.

что пройдет диспут, спор об искусстве, что организация проснется, посмотрит, что есть другие пути в искусстве. Не знаю. Как-то разговора об этом не было.

Попало на этом самоотчете и А.Козлову. Комиссии было не ясно, зачем он трех сестер заковал в одну фигуру (три человека, две в профиль и одна в фас). Непонятна была и береза, написанная ультрамарином. И вообще непонятно это буйство красок. Здесь тоже было неясно, куда идет художник, что он хочет. Николай Васильевич Шувалов выглядел в своих работах прекрасно. Они были свежи, а главное, понятно, что-то плохое сказать об этом человеке было невозможно. Он был свой. Пока.

После самоотчета Володя как-то замкнулся и работал в основном дома. Встречались мы редко. Он был занят творчеством, я учебой, так что встречи, скорее, происходили случайно. Такой случай, о котором я не могу не рассказать, произошел в училище. А.Козлов чувствуя, что у него никак не клеится работа в фонде, решил, наверное, по совету Шувалова подработать в училище натурщиком. Позировал он на 4-м курсе в обеих группах. В одной группе пожарником в бронзовой каске, а в другой - в образе композитора. Образ композитора ему подходил. Широковатое лицо со скулами и острым подбородком, длинные густые черные волосы, одетый в белую рубашку с черной бабочкой на воротнике и в черном костюме, он выглядел великолепно и, как ни странно, был похож на Бетховена.

Таким и писал его Володя Муравьев. Большой лист рыжего не

А.Козлов. Береза. 1963

грунтованного картона, краски масляные и керосин вместо растворителя. Это те материалы, с которыми работал художник. Любопытна композиция этого портрета. Половина черепа была зарезана верхним краем картона, сам портрет по грудь размещался по всей длине картона. Портрет получился втиснутым в это пространство, ему было тесно, как бывает тесно мощному аккорду в спокойной музыке. Технология письма портрета была проста. В первой стадии портрет красился лаконичными красками, разбавленными керосином. Лицо и рубашка - белилами, костюм и бабочку - черным и фон портрета - терракотово-красным. В дальнейшем начиналась кропотливая работа над характером лица. Жидкие лессировки, полусухой валёр наполняли портрет духовной жизнью и цветом. Жаль, что Володе не хватило времени закончить этот портрет. Он произвел в училище на студентов, особенно старших курсов, большое впечатление.

Несколько слов еще об одной работе, которая реабилитировала Володю, заставила уважать его, вернула доброе имя. Н.В.Шувалов предложил Муравьеву работу над мозаикой, которая состоит из трех отдельных частей: это панно “Америка”, “Индия”, а вот третью часть я не помню. Картоны были большие, с трудом помещались на стене в производственном цехе (фонда. - С.К.). Работали несколько месяцев, но потом в чем-то разошлись. Шувалов вышел из работы, а Володя продолжал ее делать. Мозаика была выполнена в цвете, гуашью. Смотрелась великолепно. Когда две части были готовы, Володя решил показать их в Москве. Где и кому он их показывал, я не помню. Но вот о встрече с президентом Академии художеств С.Герасимовым он рассказывал, что, увидев цветные картоны мозаик, он был удивлен. Видимо, тому, что в Тмутаракани, далеко от Москвы есть способные, талантливые люди. Результат был очевиден. Президент предложил работу продолжать, а Союзу костромских художников оказать ему безвозмездную творческую помощь в размере 5000 рублей.

Дальнейшие события в жизни Володи начали раскручиваться в обратную сторону. Однако работа в фонде и жизнь в г.Костроме его мало устраивали. Хотелось больше видеть и знать то, что делается не только у нас, но и за границей. Вначале 1960-х годов он уехал в Москву.

2003 г.

ГАЛЕРЕЯ АФИША

18 мая - 17 июня
ОЛЕГ РОЖКОВ
ЯРОСЛАВЛЬ
“ЦВЕТ КАК СМЫСЛ”
ЖИВОПИСЬ

15 мая - 27 июня
ОЛЬГА КАШИЦИНА
КОСТРОМА
“ДВИЖЕНИЕ ТИШИНЫ”
ЖИВОПИСЬ,ГРАФИКА

22 июня - 22 июля
ВЛАДИМИР КОРДЮКОВ
ВОЛОГДА
ЖИВОПИСЬ, ГРАФИКА, ОБЪЕКТЫ

27 июля - 2 сентября
ВЫСТАВКА ТВОРЧЕСКОГО СОЮЗА ХУДОЖНИКОВ

МУНИЦИПАЛЬНАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ГАЛЕРЕЯ ВЫРАЖАЕТ ИСКРЕННЮЮ БЛАГОДАРНОСТЬ ПОСТОЯННОМУ СПОНСОРУ НАШЕЙ ГАЗЕТЫ
ИД “ЛИНИЯ • ГРАФИК • КОСТРОМА”

ГАЛЕРЕЯ
Адрес галереи Пл. Мира,2 Тел. 51-64-45
E-mail: kosgallery@yandex.ru
Номер подготовили:В.Прямикова, Е.Громова
Тираж 500 экз.
Газета отпечатана в ИД “Линия График Кострома” тел.:54-75-81